

- инновационных образовательных технологий : мат-лы научн.-практич. конф. (Армавир, 9–20 марта 2010). – Кн. 2. – Ч. I. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – С.108–112.
21. Проноза В.Д. Человек как саморазвивающаяся система // Научная жизнь. – 2009. – № 5. – С.70–83.
 22. Самыгин С.И. Психология и педагогика для студентов вуза. – 4-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 248 с.
 23. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 592 с.
 24. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1998. – 29 с.
 25. Романова Т.В. Языковая личность Д.С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента // Мир русского слова.–2006.– № 4.–С.7–13.
 26. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // НДВШ ФН. – 1995. – № 4. – С.73–83.
 27. Четверикова О.В. Авторское мировидение и смысловое поле художественного текста : монография. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. – 196 с.
 28. Цветаева М.И. Сочинения : в 2-х т. – Т. 1: Стихотворения, 1908–1941; Поэмы; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1988. – 719 с.

УДК 81'23

С.А. Чугунова

ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ

Освещаются теории, связанные с проблемой концептуализации времени. Признание нереальности объективного времени не отменяет реальности концепта времени благодаря ощущению течения времени, скоротечности жизни, наполненности ее событиями, которые для нас несут отпечаток прошлого, настоящего или будущего. Анализ языка проливает свет на организацию концептуального времени.

Ключевые слова: время, грамматическое время, темпоральные концепты, языковая относительность, эпистемная модальность.

Обсуждение природы времени приобрело особенно острый характер в философии XX века. К существовавшим направлениям добавились концепции и теории, умножившие темы для научных споров и задавшие этим спорам новый импульс. Оживленная полемика развернулась по вопросу о длении, прохождении времени после выхода в свет в 1908 г. работы английского ученого Джона МакТаггарта, который, как известно, отрицал реальность объективного, отвлеченного от человека, его сознания, времени.

Ни у кого не вызывает сомнений, что время предполагает изменение. Вселенная, в которой ничего не меняется, была бы безвременной Вселенной. При этом изменение не должно приводить к качественному превращению событий, так как каждое событие занимает строго определенное место в последовательности событий и не может выпасть из нее по нашему жела-

нию. МакТаггарт показал противоречивость временного порядка, построенного на отношениях «прошлое – настоящее – будущее» (ряд *A*), хотя именно эти отношения вносят движение и изменчивость в темпоральную цепочку событий: то, что «теперь», было «будущим» и станет «прошлым». Вместе с тем кажущиеся непротиворечивыми, а значит, рассчитывающие на объективный статус темпоральные отношения «раньше – позже» (ряд *B*), фиксирующие события на временной линии, теряют смысл без учета отношений «прошлое – настоящее – будущее» [23]. Добавим, что служащая в качестве концептуальной опоры при понимании индивидом языковых выражений типа *Понедельник раньше вторника* когнитивная модель темпоральности, построенная на отношениях *B*-ряда и описываемая как неэгоцентрическая, т.е. исключающая концептуализацию наблюдателя [10; 24], теряет свой объективизм при более скрупулезном рассмотрении [7].

Противоречивость темпорального *A*-ряда, противоречивость направления времени (из прошлого через настоящее в будущее или наоборот), противоречивость в субъективных оценках интервала настоящего времени, а значит, прошлого и будущего, разрешаются, если признать, что все эти характеристики, а значит, и само время, не являются объективной реальностью, а присущи актам сознания [23].

Все же остается немало ученых, убежденных в реальности времени, для которых темпоральный порядок вещей не является прерогативой разума. При этом ряд философов, вслед за МакТаггартом, отказывает *A*-ряду в объективности, занимая позицию, которую условно назвали *B*-теорией и согласно которой для объективной реальности релевантен временной порядок, построенный на отношениях «раньше – позже». Когда говорится, что какое-то событие является прошлым (например, 1900 год), имеется в виду, что оно предшествует (было раньше) времени нашего сообщения [22]. При данном подходе, который с очевидностью принимает теория относительности в физике (см.: [1]), вопрос о прохождении (течении) времени теряет смысл, и если нам кажется, что оно все-таки проходит, то это связано с особенностями человеческого восприятия действительности [22]. Созвучными здесь оказываются положения экологической психологии, в соответствии с которыми младенец с самого рождения воспринимает мир вокруг себя как бы в потоке еще до того, как научается самостоятельно передвигаться в пространстве. Таково устройство нашего зрительного аппарата (*the optic array*). Среда, которую мы воспринимаем, остается ригидной и неизменной [11; 12].

Среди аргументов *B*-теоретиков (Bertrand Russell, 1915; Donald C. Williams, 1951; Adolf Grünbaum, 1967; J.J.C. Smart, 1980; L. Nathan Oaklander, 1984; Robin Le Poidevin, 1991; Hugh Mellor, 1998; Heather Dyke, 2000) против прохождения времени выступают, по крайней мере, еще два. Один взят из специальной теории относительности, в соответствии с которой абсолютная одновременность – миф, на что, заметим, указывал и МакТаггарт. Отсутствие объективного настоящего ставит под сомнение объективность

прошлого и будущего, а значит, и течения времени. Чтобы противостоять данному аргументу, остается отрицать или специальную теорию относительности, как Артур Приор (Prior), или то, что теория относительности действительно предполагает иллюзорность абсолютной одновременности. У последней альтернативы больше поклонников, поскольку философы обычно уважительно относятся к ведущим теориям в эмпирических науках. Тогда возникает необходимость определить, что же вытекает из теории относительности в связи с абсолютной одновременностью. Возможно, из нее вытекает только физическая невыполнимость наблюдения за двумя абсолютно одновременными событиями. Второй аргумент против течения времени касается скорости времени. Если задать вопрос «Как скоро проходит время?», то вряд ли нас сможет удовлетворить реплика «Один час за один час». Отсутствие вразумительного ответа предполагает отсутствие прохождения времени [22]. Концепция времени в рамках несимметричной, или причинной, механики Н.А. Козырева, измерившего ход времени ($c_2 = 700$ км/сек) в лабораторных условиях (см.: [4: 405–409]), не получила общего признания среди ученых.

Для сторонников так называемой *A*-теории (C.D. Broad, 1923, 1938; George Schlesinger, 1980; Quentin Smith, 1993; Storrs McCall, 1994; Michael Tooley, 1997; William Lane Craig, 2000) мир постоянно меняется в своих *A*-свойствах, реально испытывая становление или движение во времени. По мнению основателя Брюссельской школы неравновесной термодинамики Ильи Пригожина, достижения физики последнего времени – открытие самоорганизации, хаоса и космологической эволюции – однозначно ведут в сторону физики с ориентированным временем. Становление одинаково принадлежит и реальности, и сознанию [6: 26]. Смущает, однако, тот факт, что в литературе можно встретить указания на прямо противоположные направления «стрелы времени»: из прошлого в будущее или наоборот – из будущего в прошлое (ср.: «Время течет в будущее, события уходят в прошлое» [3: 23] vs. «Время непрерывным потоком входит в наш Мир, и ... будет единственным явлением природы, идущим против хода всех событий. ... к настоящему все приходит из прошлого, и только время входит от будущего в настоящее» [4: 395]). При сравнении содержательной стороны выражений, манифестирующих, например, средствами русского и английского языков две когнитивные модели темпоральности – «движущегося Эго» (*We are approaching the year 2011* 'Мы приближаемся к 2011 году') и «движущегося времени» (*Приближается 2011 год / The year 2011 is approaching*), создается впечатление, что события приходят к нам из будущего; время же, поскольку ничего нельзя повернуть вспять, устремлено вместе с нами из прошлого в будущее. Но если согласиться с Морисом Мерло-Понти, что вещи сами по себе не могут быть последовательными событиями, и, скорее, событиям нет места в объективном мире, а они «выкраиваются» наблюдателем в последовательности восприятий из неизменного бытия [5: 519–520], то цепочка «из будущего в прошлое» не может иметь

отношения к внешнему миру. Она характеризует работу нашего мышления: предвкусываемое действие, реализуясь, превращается в память о себе. Получается, что в реальности из будущего ничего не приходит. Само будущее оказывается ничем иным, как нашим представлением, воображаемым объектом. Небезынтересно, что в проведенном нами экспериментальном исследовании на вопрос относительно ожидаемого вскоре события (*Новый год*) многие испытуемые описывали его как движущееся из прошлого, а не из будущего: *из детства; от начала зимы; из традиций прошлого; со старого года; приближается дата Нового года, время приближается к этой дате, а не Новый год к нам* (см.: [7]).

Приверженцы *A*-теории соглашаются с МакТаггартом, что время нуждается в темпоральном *A*-ряде, но консервативно настроенные *A*-теоретики отрицают противоречивость этой цепи. Для них конкретное событие или момент не может содержать в себе признаки и настоящего, и прошлого, и будущего. Конкретный момент *t* есть настоящее, был будущим и будет прошлым. Отсюда, грамматическое время, обозначенное глаголом (*tense*), занимает важное место в анализе, и свойства темпорального *A*-ряда не могут игнорироваться в пользу отношений *B*-ряда. Неслучайно *A*-теоретиков зачастую связывают с утверждающими реальность грамматического времени (*tensed theories*), а *B*-теоретиков – с теми, кто ее отрицает (*tenseless theories*) [22].

«Серьезное отношение» к грамматическим временам (*tenses*), при котором делается акцент на фундаментальном различии между выражениями *x is* 'есть' *F* и *x was* 'был' *F*, заставляет рассматривать их (времена) в качестве концептуальных примитивов, не подвергающихся дальнейшему разложению [Op. cit.]. Между тем кросс-культурный взгляд на языковые факты нередко высвечивает несовпадение между локализацией описываемого события во времени (что выражается с помощью темпорального обстоятельства) и его грамматическим временем. Например, будущее событие в английском языке может оформляться средствами настоящих времен глагола – 'tenseless future' (*Tom plays* 'играет = будет играть' *football tomorrow afternoon* 'завтра после обеда') и 'futurate progressive' (*Tom is playing* 'играет = будет играть' *football tomorrow afternoon*) [18] (метаязыковые термины взяты из [9]). То же обнаруживается в польском языке: *Jutro po południu* 'завтра после обеда' *Tomek gra* 'играет = будет играть' *w piłkę*. Русский язык также не является исключением. При этом настоящее грамматическое время используется в приведенных примерах не для заполнения пробела во временной системе глагола, поскольку в приведенных языках имеются формы будущего времени: англ. *will play / will be playing*; польск. *będzie grał*; рус. *будет играть / сыграет*. Настоящее время выполняет здесь прагматическую функцию, связывая событие с интенцией или планами субъекта [18], что еще раз доказывает тесное взаимодействие модальности с категорией темпоральности (вида – времени) [2]. Более того, есть мнение, что на концептуальном уровне темпоральность вторична по отношению к

субъективной модальности (*epistemic modality*) и сводится к ней [16; 17; 18].

Еще один случай рассогласования между темпоральной референцией и грамматическим выражением представляют собой языки с факультативным использованием показателей времени и вида: хопи, тайский, могавк, суахили и другие (см.: [8; 15; 18]). Так, тайское предложение *mae:ri: khian niyai:* может переводиться как 'Мэри написала роман (в прошлом) / Мэри писала роман / Мэри начала писать роман, но не закончила его / Мэри только что написала роман / Мэри только что писала роман / Мэри пишет романы / Мэри пишет роман / Мэри пишет роман до сих пор / Мэри напишет роман / Мэри будет писать роман' в силу отсутствия форманта с темпоральным значением ([18] – со ссылкой на [25: 45]). Однако в ситуациях живой коммуникации проблем с пониманием не возникает: грамматическая неопределенность компенсируется контекстом общения. Более сложным случаем рассогласования между концептуальным и языковым уровнями служит категория последовательного времени (*consecutive tense*) в суахили с формальным показателем *-ka-*: ...*wa-Ingereza wa-li-wa-chukua wale maiti* 'затем британцы взяли трупы' (*li* – формант прошедшего времени), *wa-ka-wa-tia katika bao moja* 'положили их на ровный настил', *wa-ka-ya-telemesha maji-ni kwa utaratibu w-ote* 'и без колебаний погрузили их в воду' / *Ni-ta-kwenda soko-ni, ni-ka-nunua ndizi* 'я пойду на базар и куплю бананы' (*ta* – формант будущего времени) ([18] – со ссылкой на [13: 154]). Когда аффикс следует за формой настоящего или прошедшего времени, он указывает на последовательность событий в повествовании; когда он следует за формой будущего времени, он может передавать дополнительное значение следствия 'с тем, чтобы'.

Таким образом, отнесение события или состояния к прошлому, настоящему и будущему может реализовываться разными способами – от использования лексических и грамматических средств языка до опоры на «ключи» конкретного контекста общения. Для Катаржины Ящолът, автора относительно новой семантической теории интегративного типа – «семантики по умолчанию» (*Default Semantics* – перевод мой, С.Ч.), очевидно, что изучение темпоральности на уровне концепта не может сводиться к анализу только видовременных форм [16]. Языковые факты, демонстрирующие отсутствие односторонней связи между планом выражения и планом содержания у грамматического времени, сращение темпоральности и модальности, возможность выражения темпоральной отнесенности не только грамматическими, но и лексическими, прагматическими средствами, все это создает большую проблему для формальных подходов, пытающихся получить темпоральное значение исключительно из грамматического времени глагола (см., например, *Discourse Representation Theory* [19: 512–513]) [17].

К. Ящолът причисляет себя к лагерю *B*-теоретиков, признающих объективность времени в интерпретации физической теории относительности,

но отказывающих ему в течении, прохождении. При этом отмечается, что есть также психологическое время – концепт, позволяющий нам думать и говорить о времени как о сущности, которая течет, подобно реке, из прошлого через настоящее в будущее [16: 36].

«Если говорить об отображении концептуального времени в грамматике, то считается, что концептуальные *B*-свойства времени, т.е. дискретность, отображаются в языке комплексом перфективных значений, а *A*-свойства, т.е. континуальность, – комплексом имперфективных значений» [2: 7].

Исследование семантической категории времени, предпринятое К. Ящолт, показывает, что представление о течении времени не может рассматриваться в качестве примитивной, далее неразложимой структуры [16: 36]. Базовым по отношению к концепту времени можно считать концепт модальности, или концепт вероятности, понимаемый как эпистемная (субъективная) модальность (“...*humans conceptualize time in terms of certainty and possibility*” [Op. cit.: 32]). Передаваемое в сообщении темпоральное значение никогда не исчерпывается указанием на время события (или состояния); оно всегда имеет подоплеку в степени заинтересованности и уверенности говорящего в том, что он сообщает [17]. Если мы маркируем событие как прошлое, настоящее или будущее, в том числе, с помощью языковых средств, то мы более или менее уверены в этом [16: viii]. Выводы автора, опирающегося на высказывания Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, имеют феноменологическую основу: в начале концепта времени у человека лежит субъективный опыт течения времени. Время – это поток сознания, формируемый памятью (прошлое), непосредственным восприятием (настоящее) и антиципациями (будущее). Наши воспоминания и ожидания различаются по степени надежности, соответствия реальности: концепт времени полностью ограничен возможностями человеческого ума [17].

Очевидно, что в концепции зависимости психологического времени от субъективной модальности основными свойствами темпоральности на концептуальном уровне признаются движение (изменчивость) и разделение на настоящее, прошлое и будущее. Между тем есть основания предполагать, что носители не всех культур представляют время именно так или вообще его как-то представляют. Так, изучение языка и культуры америндейской народности хопи, предпринятое Б. Уорфом, показало, что у ее представителей отсутствует идея или интуиция о времени как о гладкой континуальности с равномерным течением, потоке, несущем все из будущего через настоящее в прошлое, или наоборот, потоке, который несет наблюдателя из прошлого в будущее. В языке хопи не содержатся слова, грамматические формы, конструкции и выражения, которые бы прямо или имплицитно указывали на то, что мы понимаем под временем [27: 57].

Это не означает, что язык хопи не способен описать или выразить все воспринимаемые явления мироздания. Другое дело, что метафизика хопи не совпадает с западноевропейской. Концептуальная картина мира хопи

включает понятия и абстракции, для которых нет наименований в современных европейских языках. Так, если в наших представлениях мироздание существует в двух первостепенных формах – одномерно движущемся времени, поток которого разделяется на прошлое, настоящее и будущее, и трехмерном неподвижном пространстве, то сознание хопи оперирует двумя не менее масштабными и значимыми концептами, которые можно условно выразить как «объективное» и «субъективное». «Объективное» вмещает все доступное чувствам восприятия; прошлое и настоящее в нем слиты, и совсем нет будущего. «Субъективное» имеет отношение к мышлению, сознанию, эмоциям, а также будущему в нашем понимании, во многом предопределенному. Несмотря на динамичность субъективного, включающего ожидания, желания, надежды, намерения человека, исполнение последних исключает концепт движения. События не приходят из будущего, будучи уже с нами в живой и ментальной формах. Динамизм присутствует на последней стадии реализации события, в момент непосредственного совершения. При переводе на английский язык хопи скажут *will come (to)* ‘придет’, но в их собственном языке нет глаголов типа *come* ‘приходить’ и *go* ‘идти’, обозначающих чистое и абстрактное движение [Op. cit.: 58–60].

Лингвистический релятивизм Б. Уорфа заключается в указании на то, что в языке хопи отсутствует биномиальная модель означивания, свойственная европейским языкам, в соответствии с которой имена выражают исчисляемые предметы или неисчисляемые субстанции. Именуя аморфное вещество, существительное не может употребляться во множественном числе, принимать артикль единственного числа или партитивный артикль, как, например, во французском языке (*du, de la, des*): Ср. рус. и англ. *вино* (*wine*), но *вина* (*a wine – wines*); *сыр* (*cheese*), но *сыры* (*a cheese – cheeses*); *камень* (*stone*), но *камни* (*a stone – stones*). Получается, что мышление носителей европейских языков считает реальность в двух направлениях, разделяя ее на оформленные предметы и гомогенные вещества. Последние, за небольшим исключением, практически всегда воплощаются в ту или иную форму: *бокал вина* (*a glass of wine*), *кусочек хлеба* (*a piece of bread*), *куча песка* (*a pile of sand*), *тарелка с едой* (*a dish of food*); по аналогии – *секунда времени* (*a second of time*), *a moment of time*, *a year* (‘год’) *of time*. В языке хопи нет класса неисчисляемых имен, и хопи никогда не скажет *стакан воды* (*a glass of water*), потому что в его сознании нет понятия о бесформенной воде, заключенной в ту или иную форму. Для него вода, как и все вокруг, подобна единичному предмету со своими, пусть зыбкими, границами; это всегда «одна вода», «одна (определенная) масса воды», большая или меньшая: *ke.yi* или *pa.he* ‘a water / одна вода’ (см.: [26: 80–81]).

Таким образом, в языковом сознании хопи нет оснований для появления идеи времени как бесконечной субстанции, матрицы – носительницы всего сущего, на что указывает отсутствие соответствующей лексики с обобщающим смыслом, каковой у нас является лексема «время» (*time, Zeit, temps, tiempo, czas* и т.д.). Лексемы типа «время» нет и в некоторых других

языках, например, в инуите в Гренландии, инуктитуте в Канаде. Западное мышление обобщило мгновения, дни, годы, века и т.д. в неисчисляемом понятии «время» так же, как оно обобщило отдельные предметы и вещества в понятии «материя». Заметим, что в языке хопи обобщение передается с помощью глагола или глагольной группы, но не существительного. Как большинство других неисчисляемых существительных, «время» в европейских языках может относиться и к классу исчисляемых существительных в значении ограниченного отрезка времени (события) или момента, о чем, в частности, свидетельствует неопределенный артикль единственного числа в английском языке: *It was a long time ago that they met* 'Они давно (букв. долгое время назад) познакомились' // *He returned to Germany for good in 1857, moving for a time to Berlin* 'Он навсегда вернулся в Германию в 1857 году и какое-то время жил в Берлине' (примеры взяты из [10: 110]).

Для хопи темпоральные отношения остаются фактами сознания, отчето темпоральные отношения – это отношения чистого дления (не длительности, или отрезка), т.е. процесса, при котором одна фаза сменяется другой. Реалии сознания не выражаются в хопи с помощью имен существительных. Темпоральные отношения выражаются с помощью служебных частей речи. Слова с темпоральными значениями не могут играть роль субъектов или объектов в предложении. Хопи не говорят *жаркое лето* или *летом жарко*, для них «лето» – это, скорее, *КОГДА жарко*. В европейских языках слова типа *лето, зима, сентябрь, утро, день, рассвет, минута* и т.д. ничем не отличаются от других существительных, вследствие чего человек объективирует референты этих единиц и располагает их в когнитивном пространстве так же, как физические тела.

Особенности касаются и глагольной системы. Глаголы хопи не имеют категории грамматического времени, хотя существуют специальные маркеры, передающие все необходимые нюансы ситуации в речи – от аспектуальных характеристик до информации, конкретизирующей соотношение с говорящим в терминах одновременности, предшествования или последовательности. Кроме того, есть много отдельных служебных слов (например, так называемых «тензоров»), которые уточняют подобную информацию. Можно сказать, что значения грамматических времен рассредоточены в разнообразных глагольных категориях и специальных словах хопи, поэтому глаголы хопи не могут служить базой для объективации идеи времени, как и другие языковые единицы. Очевидно, что в сознании мы не найдем линейку с насечками прошлого, настоящего и будущего; это, скорее, переплетенный комплекс со всем сразу: и непосредственным восприятием, и воспоминанием, и антиципацией. Образ линейки – это тенденция объективированного сознания, на что указывают факты европейских языков (см.: [26: 81–83]).

Сопоставление языков приводит к выводу, что концепты времени не совпадают у носителей разных лингвокультур в силу различий языковых структур. При этом концепты оказываются опосредованными не столько

определенной грамматической подсистемой (категорией времени или категорией существительного), сколько способами анализа и сообщения опыта, проявляющимися в речевом поведении, речевой манере (*fashion of speaking*), в которой интегрируются лексические, морфологические и синтаксические средства языка [Op. cit.: 92].

Не все исследователи, однако, соглашались с тем, что концепт времени у хопи или других экзотических народов радикально отличается от «европейского». Так, носители австронезийского языка квайю (Kwaio) на Соломоновых островах в Океании употребляют выражения со значениями темпоральности и длительности не реже европейцев. Слово *alata* может указывать как на моменты времени, так и на временные периоды: *alata miru nigi i 'Aoke* ‘когда мы доберемся до Ауку’ [20: 5]. Более того, в неопубликованном двуязычном словаре хопи и английского (Б.Л. Уорфа), манускрипт которого хранится в библиотеке Музея Северной Аризоны, приводится больше двадцати лексем с пространственными и темпоральными значениями, хотя сам Уорф отказывал хопи в пространственно-временной метафоре, широко распространенной во многих языках: например, *aapiy* ‘прочь/вперед’ = ‘после / затем’ [21: 14–16; 22–210].

Не все лингвисты соглашались с выводом Уорфа (см.: [27: 64]) об отсутствии в хопи грамматических времен (*tenses*) и с тем, что понятие грамматического времени предполагает обязательное воплощение в языке «естественного» разделения времени на прошлое, настоящее и будущее. Грамматическое время допускает категоризацию разными способами, и теоретическая точка отсчета «сейчас» может притягивать к себе как прошлое, так и будущее, разрывая временной континуум на будущее и не-будущее или на прошлое и не-прошлое, а также на настоящее и не-настоящее. Система грамматического времени хопи, как и многих других языков, демонстрирует разделение на будущее и не-будущее, поскольку не имеет специальных маркеров, которые, присоединяясь к глаголу, однозначно указывали бы на настоящее или прошлое. Исключение составляет формант *-ni* – единственный аффикс, указывающий на время (будущее), способный, в зависимости от контекста, выражать дополнительные, нетемпоральные, характеристики [21: 622–624]: *nösa* ‘есть, принимать пищу / съесть, принять пищу’ – *nöni* ‘съест’; *peena* – ‘красить / покрасить’ – *pentani* ‘будет красить’; *wari* ‘бежать’ – *warikni* – ‘побежит’ [15].

С позиций NSM-подхода (*Natural Semantic Metalanguage*), нет языков, в которых бы полностью отсутствовали выражения с темпоральной семантикой. Все их можно свести к семантическим примитивам (*primes*) – чему-то вроде далее неделимых концептуальных атомов. Домен времени включает несколько темпоральных примитивов: WHEN/TIME ‘когда/время’, NOW ‘сейчас’, BEFORE ‘прежде’, AFTER ‘после’, A LONG TIME ‘долгое время’, A SHORT TIME ‘короткое время’, FOR SOME TIME ‘какое-то (неопределенное) время’, MOMENT [28–31]. С этих позиций имеет смысл говорить о различиях в концептуальных системах представителей двух культур, если языки

этих культур обнаруживают несовпадение темпоральных семантических примитивов [14: 19].

В заключение напрашиваются следующие выводы.

1. Язык признается серьезным источником, призванным разрешить парадоксы времени и ответить на вопрос о его объективном существовании.

2. В философских А-теориях акцент при этом делается на анализе категории грамматического (глагольного) времени.

3. Языковые факты рассогласования между видо-временной формой глагола и темпоральной референцией, а также сращения времени и модальности создают большую проблему для формальных подходов, пытающихся получить темпоральное значение исключительно из грамматического времени глагола; концептуальное время не может быть опосредованным определенной грамматической подсистемой, проявляясь на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях языка.

4. Концепт времени слагается из ряда примитивных концептов, сопоставление которых позволяет делать выводы о сходствах и различиях в концептуальных системах представителей двух лингвокультур.

5. Отсутствие в концептуальных системах носителей какой-либо лингвокультуры представления о времени как о равномерно движущейся сущности, что может коррелировать с особенностями языковой структуры, не означает, что данная культура является атемпоральной; во всех относительно изученных языках имеются выражения с темпоральной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени : пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 568 с.
2. Зеленщиков А.В. Взаимодействие категорий: модальность и время // Англистика XXI века : мат-лы II Всероссийск. межвуз. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 января 2004 г.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С.6–8.
3. Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки // Феномен и ноумен времени. – 2005. – Т. 2. – Вып. 2. – С.22–50.
4. Козырев Н.А. Избранные труды. – Л.: Ленинградск. гос. ун-т, 1991. – 448 с.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с франц. – СПб.: «Ювента», «Наука», (1945) 1999. – 603 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант : пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
7. Чугунова С.А. «Движение времени» в разных культурах. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, «Ладомир», 2009. – 240 с.
8. Baker, M. & Travis, L. Mood as verbal definiteness in a «tenseless» language // Natural Language Semantics. – 1997. – Vol. 5. – Pp.213–269.
9. Dowty, D.R. Word meaning and Montague Grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. – Dordrecht: D. Reidel, 1979. – 415 p.
10. Evans, V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. – 286 p.

11. Gibson, J.J. Events are perceivable but time is not // Fraser, J.T. & Lawrence, N. (Eds.), *The Study of Time II: Proceedings of the second Conference of the International Society for the Study of Time* (Lake Yamanaka, Japan). – Berlin: Springer-Verlag, 1975. – Pp.295–301.
12. Gibson, J.J. *The ecological approach to visual perception*. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.
13. Givón, T. *Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication*. – Amsterdam: J. Benjamins, 2005. – 283 p.
14. Goddard, C. The search for the shared semantic core of all languages // Goddard, C. & Wierzbicka, A. (Eds), *Meaning and universal grammar – theory and empirical findings*. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – Vol. I. – Pp.5–40.
15. Grune, D. *Hopi – survey of an Uto-Aztecan language* (Arizona). – Wales, Pontypridd: Joseph Biddulph Publisher, 1995. – 26 p.
16. Jaszczolt, K.M. *Representing time: An essay on temporality as modality*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 192 p.
17. Jaszczolt, K.M. *Situated temporal reference: A case for compositional pragmatics?* // *Journal of Pragmatics*. – 2010. – Vol. 42. – № 11. – Pp.2861–3162.
18. Jaszczolt, K.M. *Time as epistemic modality* // Stalmaszczyk, P. & Kosecki, K. (Eds), *Philosophy of Language and Linguistics: The Cognitive Turn*. – Frankfurt: Ontos Verlag. (in print) http://people.pwf.cam.ac.uk/kmj21/Epistemic.Lodz_paper.Sep09.pdf
19. Kamp, H. & Reyle, U. *From discourse to logic: Introduction to modeltheoretic semantics of natural language, formal logic and Discourse Representation Theory*. – Kluwer, Dordrecht, 1993. – 725 p.
20. Keesing, R.M. *Radical cultural difference: Anthropology's myth?* // Putz, M. (Ed.), *Language Contact and Language Conflict*. – Amsterdam: John Benjamins, 1994. – Pp. 3–24.
21. Malotki, E. *Hopi time: A linguistic analysis of the temporal concepts in the Hopi language*. – Berlin; New York: Mouton Publishers, 1983. – 677 p.
22. Markosian, N. *Time* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* <http://plato.stanford.edu/entries/time/>
23. McTaggart, J.E. *The unreality of time* // *Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy*. – 1908. – Vol. 17. – Pp.456–473 <http://www.ditext.com/mctaggart/time.html>
24. Núñez, R., Motz, B. & Teuscher, U. *Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time* // *Metaphor and Symbol*. – 2006. – Vol. 21. – № 3. – Pp.133–146.
25. Srioutai, J. *Time conceptualization in Thai* : PhD thesis. – University of Cambridge, 2006.
26. Whorf, B. *The relation of habitual thought and behavior to language* // Spier, L., Hallowell, A.I. & Newman, S.S. (Eds.), *Language, culture, and personality: Essays in memory of Edward Sapir*. – Menasha, Wis.: Sapir Memorial Publication Fund, 1941. – Pp. 75–93.
27. Whorf, B. L. *An American Indian model of the universe* // Carroll, J.B. (Ed.), *Language, thought and reality. Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. – USA: The MIT Press, 1964. – Pp.57–64.
28. Wierzbicka, A. *Semantic primitives*. – Frankfurt/M.: Athenäum Verlag, 1972. – 235 p.

29. Wierzbicka, A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.
30. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and universals. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 500 p.
31. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 317 p.

ОБЗОРЫ

УДК 81`373.612.2

А.И. Бардовская

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В статье ставится вопрос о синестетической метафоре как одном из важных аспектов проблемы корпоральной парадигмы гуманитарных исследований; предлагается обзор трактовок этого явления с позиций разных направлений изучения синестезии; определяются возможности интеграции между ними на пути разработки единой теории синестезии.

Ключевые слова: интегративный подход, синестезия, интермодальность, синестетическая метафора, перцепция.

Активно развивающийся в настоящее время интегративный подход к анализу языковых явлений, трактующий язык как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов (см., например, [3; 11]), обусловливает рост интереса современных исследователей к явлениям, в силу своей междисциплинарности, «стыкового» характера, до недавнего времени находившимся на периферии языковедческих исследований. К их числу принадлежит синестезия (с греч. σύν (syn) и αἴσθησις (aisthēsis), дословно, «совместное ощущение»), традиционно привлекающая внимание широкого спектра наук о человеке – психологии и психофизиологии, философии и искусствоведения, литературоведения и лингвистики. Взрыв интереса к проблеме интермодальности, наблюдаемый в последнее десятилетие в перечисленных науках, позволяет в полной мере согласиться с определением текущего этапа развития гуманитарного знания как периода «синестетического бума» [8], что сопоставимо лишь с ситуацией рубежа позапрошлого и прошлого веков, когда проблема синестезии впервые была выделена в сферу отдельного научного интереса. Такое положение представляется вполне закономерным по причине смены общенаучных парадигм, а именно, возврата к антропоцентризму, ставящему во главу угла человека чувствующего, ощущающего, переживающего, что влечет за собой выдвижение глобальной задачи создания единой междисциплинарной теории, которая позволила бы изучать человека в его целостности.